

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Цикл
Николая Баранова

НИСХОЖДЕНИЕ ТЬМЫ

Время умирать. Рязань, год 1237
Ярость. Зима 1237–38-го

Николай БАРАНОВ

ЯРОСТЬ
ЗИМА 1237—38-ГО

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б24

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Баранов, Николай Александрович

Б24 Нисхождение тьмы: Ярость. Зима 1237–38-го: роман / Николай Баранов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 480 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-187996-9

Под страшным ударом монголов рухнуло Рязанское княжество. Превращена в обгорелые руины его столица — Рязань. Монгольское войско устремилось в глубь русских земель. На очереди Великое Владимирское княжество. Но в тылу у завоевателей набольший воевода рязанский Коловрат, бывший во время гибели родной земли в Чернигове, собрал малое войско и идет по пятам монголов, одержимый яростью и жаждой мести. Он наносит чувствительные удары, и степнякам приходится отправлять на борьбу с мстителями значительные силы. Те терпят поражение и в ужасе бегут, считая, что восстали из могил убитые ими рязанцы. А в это время Юрий Владимирский посылает навстречу завоевателям своего сына Всеволода с войском. Владимирцы и монголы сходятся в двухдневной битве под городом Коломной. Русские терпят поражение, и вот уже завоеватели берут в плотную осаду Москву. Коловрат решает помочь осажденному городу и вступает в свой последний бой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-187996-9

© Николай Баранов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Конь, подчиняясь узде, взвился на дыбы и, развернувшись на задних ногах, встал на все четыре копыта. Встал тяжело — теряет силы коняшка. Олег тоже удержался в седле с трудом — и у него сил немного осталось. Надо спешить, или падёт скакун, не донеся хозяина до врага. Вот они — враги, совсем близко. Хорошо видно в свете полной луны, как подгоняют скалящих зубы лошадей, тянут луки... И слабость от потери крови, одолевающая Олега, куда-то отступила. Им овладела жажда боя. Желание продать свою жизнь подороже. Князь перекинул здоровой левой рукой щит из-за спины на грудь, потянул правой рукой меч из ножен. Движение отозвалось болью в правом плече, в котором застрял наконечник татарской стрелы. Махнул вправо-влево клинком. Ништо, терпеть можно! Оглянулся. Позади, в ночной тьме, рассеиваемой бледным лунным светом, вздымая клубы снежной пыли, исчезали всадники — уходящие от погони соратники. Последний из них, обернувшись в седле, неотрывно смотрит на него. Ратьша... Прощай, брат! Нелегко терять тебе второго уже побратима. Олег сморгнул внезапно застлавшие глаза слёзы и дал шпоры коню. Тот начал разбег. Тяжело идёт. Но ничего — до татар, несущихся навстречу, рукой подать. Скакун набрал скорость. Алое княжеское корзно расправилось за плечами, захлопало на ветру. Вот они, первые враги — впереди в десяти

саженях. Почему-то не стреляют в него. Стрел жалеют? Олег Красный, скрипнув зубами от боли в правом плече, вскинул меч в готовности рубить супостатов, но те раздались, объезжая сторонами русского князя. В следующий миг тот почувствовал, как на плечи ему упал аркан, соскользнул на шею, затянулся, не давая дышать. Олег напрягся, дёрнул повод, пытаясь развернуть коня, махнул мечом, целя по верёвке. Не дотянулся, вылетел из седла, грянулся спиной и головой о мёрзлую землю. В глазах вспыхнуло, а потом всё поглотила тьма.

Сознание возвращалось с трудом. Когда Олег осознал, что жив и дышит, он услышал голоса. Два голоса. Разговор шёл негромко, по-половецки. Сам Олег говорил на языке степняков плохо, но почти всё понимал. Похоже, говорили о нём. Мол, без сознания уже шестой день. Выживет ли? Спрашивал первый голос, принадлежащий, судя по всему, человеку в возрасте. Второй, молодой, звонкий, вроде как женский, отвечал, что должен. Мол, глаза чувствуют свет, дыхание спокойно, биение сердца ровное, ещё что-то. Второй голос говорил по-половецки не совсем правильно (это Олег понял даже с его знанием языка), с каким-то странным подсюсюкиванием.

Не спеша открывать глаза, Олег принялся Пахло дымом, овчинными шкурами, кислым кобыльим молоком и ещё чем-то неуловимым. Запах юрты — жилья степняков. Его ни с чем не спутаешь, если ощущал хоть раз. А Олег в половецких юртах бывал. Хоть и не часто. И только тут вспомнил, что случилось перед тем, как он лишился сознания: самоубийственная скачка навстречу преследующим татарам, волосяной аркан на шее, удар о землю... Так его не убили? Взяли в полон? Олег испытал одновременно радость и огор-

чение. Огорчение оттого, что не получилось красиво погибнуть, врубаясь в гущу врагов, как подобает витязю. Но радости, если по чести, было больше: жив! А раз жив, возможно, родичам удастся выкупить его из полона, как всегда водилось в войнах с половцами и в своих усобицах.

Голоса тем временем стихли. Олег услышал шуршание одежды, чужое дыхание на своём лице. Дыхание лёгкое, свежее. Прохладная рука легла на лоб, скользнула на шею, потом на грудь. Голую грудь. Похоже, он без одежды.

— Очнулся, — сказал молодой голос. — Просто не открывает глаз. Боится, наверное.

Боится? Он?! Олег открыл глаза, опёрся руками о ложе, собираясь вскочить и доказать, что некогда тут бояться русскому витязю. Но плечо при движении пронзила боль, голова неудержимо закружилась, а к горлу подступила тошнота. Он упал обратно на ложе, чувствуя, как выступает пот на лбу и лице.

— Ну-ну, бахадур, не так быстро, — это всё тот же молодой голос. — Пришёл в себя — хорошо. А доправки тебе ещё далеко. Полежи.

Над ним склонилось лицо. Странное лицо. В неровном свете, мерцающем в юрте, его можно было неплохо рассмотреть. Матовая, чуть желтоватая кожа, высокий, гладкий лоб, довольно широкие, но не портящие лица скулы, поднятые к глазам. Глаза... Необычные глаза. Станный разрез. Не узковатые, как у некоторых половцев, вполне себе широкие, но какие-то круглые, с высоко поднятым крутой дугой верхним веком. Тёмно-карие. Гладкие, длинные, с прямым пробором волосы цвета воронова крыла. И впрямь — женщина. Молодая. Но таких Олег никогда не видел. Монголка? Но у тех монголов, с которыми он имел дело, глаза узкие, скулы широченные, лица плоские.

Нет, не похожа. Красива? Пожалуй. Но красотой непривычной. Кто она? Лекарка? В войске? Одна среди множества мужчин? Или, может, шаманка, как та старуха, что прибыла тогда в Рязань с посольством. Всё может быть...

Лицо лекарки или шаманки исчезло, и на его месте появилось лицо мужчины. И впрямь — не молод. В окладистой бороде изрядно седины. Голова обрита по половецкому обычаю. Но точно не половец. Те хоть и изрядно перемешались за две сотни лет с окрестными народами, но лица их сохранили черты, не позволяющие их с кем-то спутать. Этот на вид больше всего походил на русского. И даже бритый череп тому не мешал.

— Ну, здравствуй, племяш, — сказал бородатый по-русски.

— Не припоминаю таких дядьёв, — тяжело ворочая языком, отозвался Олег.

— Дядька не родной. Должно, троюродный, если я правильно счёл, — ухмыльнулся странный половецанин. — Глебом меня в своё время кликали. Глебом Владимировичем, князем Пронским. Слышал?

Глеб? Глеб Пронский? Братоубийца! У Олега аж дыхание спёрло, потому ответил не сразу.

— Слышно было, что сгинул ты в степи, — справившись с волнением, наконец выдал он.

Глеб Владимирович усмехнулся.

— Сам я те слухи и распустил. Дабы мстителей со следа сбить. Сам же на восход ушёл в глубь степей половецких. Там на восходе ведь тоже половцы живут. Верней, жили. Монголы их оттуда изрядно потеснили. Многих побили, а тех, что им покорились, с насиженных мест погнали кого куда. Перемешали племена промеж собой, чтобы родственные курени друг от друга подальше были, не сговорились против монголов. Как

там жил и что делал, расскажу тебе попозжее — время у нас будет. А теперь поправляйся, сил набирайся. Богдйская ведунья, — он кивнул на девушку, — говорит: голову ты себе при падении здорово встряхнул. Хорошо, что жив остался. Ну и я помог: вначале-то, вишь, они сами хотели тебя живым взять — узнали по корзну, что княжеского рода пленник, а когда на следующий день ты в себя не пришёл, хотели добить. Но со слов пленных узнал я, кто ты есть, и отговорил монголов добивать тебя беспамятного. Так что должник ты мой теперь. — Глеб хохотнул. — Ну, отдыхай, племяш, отдыхай.

На месте неожиданно обретённого дяди вновь показалась изящная головка лекарки, вернее, ведуньи, как сказал Глеб Владимирович.

— Выпей это, — сказала она по-половецки и протянула Олегу глиняную плошку, дымящуюся ароматным парком.

Он принял посудину здоровой, левой рукой. Девушка приподняла прохладной ладонью его голову, чтобы удобнее было пить. Олег отхлебнул, поморщился — горько.

— Ничего, — улыбнулась та. — Терпи, полезно.

Олег допил травяной взвар, откинулся на ложе. По телу разливалось приятное тепло. Потянуло в сон.

— Спи, — погладила его по голове лёгкая рука. — Тебе нужно много спать.

И он заснул.

Сколько спал — бог весть. А проснулся от того, что ложе его качало и потряхивало. Открыл глаза, прислушался. Снаружи разносился стук копыт, скрип колёс, конское ржание и людской говор. Светильник зажжён не был, но через щель входного полога внутрь юрты проникал тусклый свет зимнего дня. Олег, ста-

раясь не опираться на больную руку, сел на ложе. Ложе оказалось низким. Строго говоря, это и не ложе было, а что-то вроде перины, набитой не пухом, а чем-то более жёстким. Конским волосом? Вроде им половцы набивают свои лежаки. Ноги опустить оказалось некуда. Пришлось сесть, по-половецки, поджав ноги под себя. Голова всё ещё кружилась, но тошнить перестало. Плечо перевязано и почти не болит, если им не двигать. В общем, жить можно.

В юрте кроме него никого не было. Очаг даже не дымился. От входа тянуло морозным воздухом. Покрывало соскользнуло с плеч, когда Олег поднялся. Оказалось, что он голый. Совсем. Если подумать, то понятно — шесть дней (или уже больше?) без сознания, ходил под себя. Кто-то при этом убирал за ним, обмывал. Кто? Неужели та странная желтокожая девушка-знахарка? При мысли об этом Олег покраснел от стыда, зажмурился. Потом ему стало холодно, и он натянул на плечи покрывало.

Ещё раз прислушался. Да — юрта ехала. Интересно. У половцев таких юрт не водилось. Монгольская придумка? Наверное. Какая же должна везти её повозка? Олег прикинул: в поперечнике это передвигающееся жильё сажени две или две с половиной. Широкая повозка. Такая не везде пройдёт. Для степи с её просторами оно, конечно, ничего, а вот для лесов и бездорожья Руси такая штука должна быть не слишком удобна. Далеко не уедет. Но едет же! Вот только где едет? Сколько он был без сознания? Вроде его троюродный дядька говорил о шести днях. Да потом он ещё сколько-то спал... Пробились татары через засечную черту, или там ещё идут бои? А если пробились, стоит ли ещё стольный град, или?.. От мысли о страшном, которое могло случиться, сжалось сердце. Ну нет, утешил он себя — Рязань — мощная крепость, она может держать

ся в осаде месяц и больше. А за это время должен подойти Юрий Владимирский. Надо быстрее приходить в себя и бежать из плена, помогать родному городу.

Тем временем шум снаружи усилился, словно они въехали в большое селение или воинский лагерь. Гул голосов, рёв, мычание, ржание, скрип, стук. Проехав ещё немного, передвижная кибитка встала. По ходу движения возникла суэта: голоса, воловий рёв. Юрта пару раз дёрнулась. Понятно — распрягают упряжку. Надо бы выглянуть, осмотреться. Вот только выскакивать босиком на снег не сильно хочется, да ещё красоваться перед врагами голому, прикрытому только покрывалом, ему, русскому князю не достойно. Надо подождать — кто-то в скором времени его да навестит. Вот тогда он и потребует свою одежду.

Ждать пришлось недолго. В кибитку забралась богдийская ведунья. В собольем полушубке, собольей же шапке с острым кожаным верхом и в меховых штанах. На ногах тёплые по виду сапожки непривычной формы. Щёки девушки раскраснелись. Порозовел и маленький носик. Она принесла в юрту запах мороза и дыма. Дым от костров в становище? Наверное.

— Уже поднялся? — спросила ведунья. — Хорошо. Голова кружится? Тошнит?

Олег покачал головой — почему-то не хотелось казаться перед ней слабым.

— Неправда, — улыбнулась ведунья. — Голова кружиться должна. Ты же, кроме того, что встряхнул её, ещё и не ел дней восемь. Ничего, кроме мясного отвара. Слабость чувствуешь? Попробуй встать. Помочь?

Олег мотнул головой и попытался подняться на ноги, прикрывая чресла покрывалом. Его мотнуло в сторону. Девушка подставила плечо. Олег приобнял знахарку и удержался на дрожащих ногах. Правда выпустил при этом покрывало, которое соскользнуло

на пол кибитки. Он попытался прикрыть срам ладошью. Чёртова ведунья хихикнула, как девчонка. Потом посерьёзнела, сказала:

— Ты зря стесняешься. Всё, что ты пытаешься спрятать, я уже видела, когда ухаживала за тобой беспмятным. Давай осторожно присядем.

Она усадила Олега на ложе, сама присела рядом на корточки. Потрогала его лоб, заглянула в глаза, осмотрела повязку на плече. Кажется, осталась довольна. Олег натянул на себя покрывало, спросил, стараясь не сильно коверкать половецкие слова и ставить их в должном порядке:

— Где моя одежда? Верни её. Негоже русскому князю нагишом, как младню несмышлёному срамом светить.

Несколько слов он произнёс по-русски, но ведунья поняла. Молча поднялась на ноги, в три шага пересекла юрту, покопалась в куче рухляди, извлекла кожаный мешок, распустила на нём тесёмки и вытряхнула к его ногам кучу одежды, в которой Олег узнал свои вещи. Он дотянулся до тряпок, разобрал. Вся одёжа в наличии, вплоть до исподнего. Почищена, отстирана от крови, заштопана. Не видно было только княжеского корзна. Ну да бог с ним. Не вставая на ноги, он отвернулся от ведуньи, трясущимися руками натянул исподние порты, рубаху, верхние штаны. Облегчённо вздохнул, вытер пот, выступивший на лбу от такого малого усилия. Уже не спеша, намотал выстиранные тёплые портянки, натянул сапоги. Вот теперь другое дело. Повернулся к девушке. Та улыбалась. Хорошо. По-доброму. Спросила:

— Есть хочешь?

Олег прислушался к себе. Есть не хотелось. Совсем. При мысли о еде даже подташнивало. Он отрицательно мотнул головой. Лицо богдййки стало озабоченным.

— Плохо, — сказала она. — Не совсем ещё поправился. Да и не ел долго — отвык. А поесть надо. Пусть через силу. Хоть немного.

— Ну, раз надо... — с неохотой протянул Олег.

Ведунья подошла к выходу из юрты, откинула пол, крикнула что-то на незнакомом языке. Вернулась обратно, присела рядом с Олегом. Совсем скоро в юрту вошла женщина средних лет. Похоже, половчанка. В руках она несла глиняную миску, парящую чем-то вкусно пахнущим, ложку и большой ломоть пшеничной лепёшки. Протянула еду Олегу. Он принял миску, заглянул, понюхал. Юшка. Из курицы, судя по запаху. Золотисто-жёлтого цвета с блёстками жира поверху. В животе забурлило. Попробуем, раз так. Поставил миску на кошму рядом с лежаком, черпнул ложкой, хлебнул. Прислушался к себе. Ничего вроде. Откусил от ломтя, хлебнул ещё. Не заметил, как выхлебал всё. Доел и лепёшку. Мало, оказывается. Ещё бы! Озвучил пожелание своей лекарше.

— Нельзя много, — покачала та головой. — Живот заболит. Немного погода дам ещё.

Ну, нельзя, так нельзя.

— А выйти погулять можно? — задал Олег следующий вопрос.

— Лучше ещё немного поспать.

Показалось, или и впрямь девушка слегка нахмурилась, прежде чем ответить ему. Спать не хотелось, но лучше слушаться — чем быстрее он поправится, тем быстрее можно попытаться сбежать. Он прилёг на лежак, сунул тюфяк под голову.

— Можешь посидеть со мной, рассказать, что случилось, пока я был без памяти? — эту фразу наполовечком получилось произнести быстрее и увереннее, чем первую.

Богдйика покачала головой.

— Пусть о происшедшем тебе расскажет твой дядя.

— Ну тогда просто посиди, — чувствуя себя капризным дитятей, попросил Олег.

Девушка вздохнула, пожала плечами — мол, ну что тут поделаешь, и присела у ложа, скрестив ноги по-половецки.

— Как тебя зовут? — помолчав немного, спросил Олег.

— Джи, — ответила она.

— Что означает твоё имя?

— Чистая, — улыбнулась она, показав жемчужные зубы.

— А меня зовут Олег, — прижал переяславский князь руку к груди. — Имя это пришло к нам с севера и значит — священный. — Он с трудом вспомнил соответствующее половецкое слово. — Я удельный князь одной из земель Рязанского княжества.

Последние слова Олег произнёс с понятной гордостью. И вновь показалось, что на лицо лекарки набежало тёмное облачко, но он не придавал этому особого значения. На него вдруг как-то быстро навалилась сонливость. Олег ещё пытался что-то рассказать Джи о себе. Та слушала и улыбалась. Язык заплетался. Половецкие слова подбирались с трудом, и Олег не заметил, как перешёл на русский. А богдйика продолжала слушать и улыбаться... Веки сомкнулись, и переяславский князь уснул.

В следующее своё пробуждение Олег почувствовал, что сил у него заметно прибавилось. Голова не кружилась, не тошнило, хотелось есть. Тьму в юрте рассеивал слабый светоч, стоящий в голове лежака, на котором спал Олег. На улице ночь? Он приподнялся на локте, огляделся. Посредине юрты тлел редкими угольями очаг. От него вверх, к чернеющему в крыше юрты ды-

мовому отверстию, поднималась тонкая струйка дыма. У дальней стенки сидела давешняя половчанка, та, что приносила в прошлое пробуждение еду. Сидела, кле-вала носом. Но стоило Олегу шевельнуться, как она тут же встрепенулась, легко поднялась на ноги, при-близилась к ложу, спросила, поклонившись:

— Что желает господин?

Что желает? Основным было желание сходить по-маленькому. Об этом он и сказал.

— Покажешь, где тут у вас отхожее место? — доба-вил в конце.

— Я дам горшок и выйду, чтобы не смущать, — ответила служанка. — До отхожего места далеко, а го-спожа Джи предупредила, что выходить на улицу вам пока рано.

С этими словами она вытащила откуда-то глиня-ный горшок и быстро выскользнула из кибитки. По за-вершении князем нужных дел половчанка принесла еду. На этот раз в миске с юшкой плавал небольшой кусочек куриной грудки. Опять еды показалось мало, но просить добавки Олег не стал — понимал, что дают так мало по распоряжению богдийской знахарки.

— А где твоя госпожа? — спросил он, дохлебав из миски и собрав последние крошки хлеба.

— Спит в соседней кибитке, — ответила половчан-ка. — На улице раннее утро. Даже не светает.

Служанка ещё не закончила говорить, а входной полог распахнулся, и в юрту вошла Джи. Свежая, не заспанная. Она быстро осмотрела Олега и, судя по вы-ражению лица, осталась весьма довольна.

— Если хочешь ещё поесть, я распоряжусь — мож-но, — сказала Джи.

— Не откажусь, — проглотил слюну Олег.

Богдийка что-то сказала служанке. Та вышла из юрты и скоро вернулась с круглым медным подносом,